

Валерий Сдобняков. Анатолий Анатольевич, в преддверии такого большого праздника для нашего народа, как День Победы, который в этом году мы будем отмечать в семидесятый раз, сам Бог велел, в продолжение ставших уже традиционными наших бесед о литературном процессе советского периода, поговорить о творчестве писателей-фронтовиков. Но эту тему, чрезвычайно обширную (здесь можно говорить и о прозе, и о мемуарах, и об исторических исследованиях, и о критике и литературоведении, посвящённых изучению и осмыслению литературы о Великой Отечественной войне), лучше несколько «сузить» и вспомнить (пока) только о творчестве поэтов-фронтовиков. Объясню почему. Наше поколение, которое осознанно входило в жизнь в шестидесятые годы прошлого века, без всякого преувеличения выросло на стихах поэтов-фронтовиков, на песнях, созданных по их стихам, на безмерном уважении и безмерной гордости за Победу, одержанную, в том числе и ими, над фашизмом. И вот сейчас, когда из современной жизни «вымываются» те замечательные песни и стихи, которые мы всё меньше и меньше слышим в безмерно распрощенном информационном поле, мне кажется, крайне необходимо напомнить читателям, всему обществу и о той поэзии, и о тех, кто её создавал. Вы многое для этого в последнее время сделали. Читатели с интересом следили за тем, как из номера в номер в «Литературной газете» вы представляли творчество поэтов-фронтовиков. Не скрою – именно эти публикации и побудили меня вновь попросить вас о беседе. Мне хочется понять, что лично для вас важно в их поэзии?

Анатолий Парпара. Для меня поэты-фронтовики – это выдающаяся часть русской интеллигенции, не смотря на то, к какой национальности они принадлежали. Тогда существовало государство Союз Советских Социалистических Республик, а это были люди, которые любили свою страну, и Россия для всех них многое значила. Даже в те тяжелейшие времена, когда некоторые, ныне довлеющие над литературой поэты спрашивали меня: «Зачем ты всё время пишешь – Россия, Россия. Мы же живём в Советском Союзе». Мне приходилось отвечать: «Потому что я не советский, а русский». Советский – это политическое название, а русский – жизненное название. Я родился русским и уйду из жизни в русскую землю. И для меня воевавшие поэты (неважно, был ли это якут Сафрон Данилов или Кайсын Кулиев, который был ранен, а кабардинец Алим Кешоков спас ему жизнь, вытащив с поля боя) – все они люди подвига. Мало того, что они пережили тяжелейшую эпоху (пять-восемь лет от финской до Великой Отечественной войны) – это был решающий момент жить как таковой России, или не жить, и эти люди отстояли наше будущее. Я ещё хочу сказать вот о чём. Мы часто ругаем Сталина за репрессии, но при этом совершенно забываем, что после смерти Ленина в политической жизни страны резко обострились два направления: первое – если бы Троцкий остался у власти, то были бы мы государством никаким. Нами бы полностью овладели люди, которые частично владеют сегодня, но они бы нас превратили в рабов.

В.С. Я думаю, что они бы не справились с построением государства. Украина тому наглядное подтверждение. И дело тут не в национальности, а в подходе к наиболее важному делу, в методике работы.

А.П. Дело в идее. Эта идея заставила за полтора тысячелетия из ничтожного и обижаемого народа стать крупным политическим и экономическим игроком на мировой арене. Я не хочу подробнее уходить в обсуждение этой темы, лишь замечу, что при Троцком мы очень долго не смогли

бы восстановиться. А при Сталине, который понимал, что такое Россия, смогли в кратчайшие сроки это сделать. Потому что он хорошо знал русский язык, знал, что из себя представляет русский народ, и поэтому когда он пришёл к власти, то начал создавать экономику, начал создавать тяжёлую промышленность. И если бы с 1935 года, когда он основательно, действительно пришёл к власти, не совершил за последующие пять-шесть лет индустриализацию, то наша страна легко бы пала под напором немецких войск. И мы бы до сих пор пили баварское пиво, разбавленное нашими слезами. И ещё что судьбоносное сделал Сталин – это с 1924 года (когда он ещё только боролся за власть) начал восстанавливать школы. И напомним, что с 1935 года в школах стали преподавать историю. До этого такой предмет в их программах отсутствовал. И вот пришла новая, советская политика, которая не отрицала саму Россию, того, что в Российской империи жили и живут по сей день не обижаемыми многие народы. Это отличительная черта от сегодняшней политики на Украине. Триста лет Украина была в составе России, и мы украинцев не уничтожали. Это говорит в первую очередь о качестве народа. Но вернёмся к поэзии. Победу одержало поколение девятнадцатилетних. Это зачастую были бывшие школьники. Например, Ваншенкин. Ну что ему было – семнадцать лет, когда ушёл на фронт. Давид Самойлов пошёл воевать восемнадцатилетним добровольцем. Это поколение, которому была внушена любовь к России, Советскому Союзу. Потому оно и отстаивало свою страну с яростью школьника. Тут можно перечислять очень многих – вот у меня список, в котором сто пятьдесят фамилий фронтовых поэтов. И если бы не было этой беззаветной любви к Родине, то не было бы и победы. Вот я и полюбил фронтовых поэтов за то, что они отстаивали страну – смертью, ранениями, нравственностью.

В.С. Это был главный посыл вашего предложения «Литературной газете»?

А.П. Вы правы, двадцать фронтовых поэтов мне удалось помянуть в «Литературной газете». Но далее возникли трудности, и я переключился на журнал «Библиотека». Я разработал программу, и если в «Литературной газете» с трудом удавалось напечатать три-четыре стихотворения представляемого поэта, то в журнале было иначе. Но мы уткнулись в другую стену, которая называется «авторское право». Нужно было договариваться с родственниками даже тех, кто погиб на войне. Например, у Ольги Бергольц не осталось прямых родственников. Но нашлись какие-то по отдалённой линии, которые запрещают печатать её стихотворения, пока не заплатят им какие-то деньги. А откуда у меня деньги. Я ведь сам всё делаю совершенно бескорыстно. Или вот дочери Твардовского категорически запретили публикацию произведений своего отца.

В.С. Непонятно, почему это вдруг происходит?

А.П. Я спрашивал – неужели вы не хотите, чтобы люди читали стихи вашего отца? На это мне возразили: «Как мы не хотим?» Да вот так. Есть замечательный литературовед, который дружил с Твардовским.

В.С. Андрей Турков.

А.П. Да. Он составлял сборник фронтовых поэтов. Твардовского там нет. Я спросил его – почему? Ответ – мне не разрешили. Возможно, это идёт от непонимания того, что люди лишаются приобщения к поэзии их отца. Некая элитарность, вредящая общему делу. И я думаю, что сам Твардовский такое отношение к его стихам не одобрил бы. И в итоге, когда мы напечатали Твардовского, нам запретили публикацию, дочери подняли шум, и заведующую отделом в журнале (замечательную женщину) выгнали с работы.

В.С. Все мы сейчас прекрасно понимаем, а уж дети таких больших поэтов и подавно должны это осознавать, что в сегодняшних условиях настоящую культуру, литературу мы должны нести в общество, внедрять в общественное сознание ради нашего же спасения.

А.П. В журнале «Библиотека» в каждом номере представлялось три полосы, на которых печатались статья о представляемых поэтах и большие циклы их стихотворений. Библиотеки были счастливы. Всё это мы давали в преддверии наступающего праздника, всё это они могли использовать в своей работе с читателями. В малом зале Дома литераторов мы провели вечер поэтов, чьи стихи были опубликованы в журнале (буквально за две недели до уничтожения этой идеи). Школьники читали стихи Твардовского, Симонова, Недогонова и других поэтов. Это было великолепно. Но последнее, что успел ещё сделать журнал, это напечатать статью об этом прошедшем вечере. Затем всё, из-за произошедшего скандала, прекратилось. Конечно, скандал – это антикультурная акция. Мы за справедливость, законы по авторскому праву необходимы. Но в этих законах должна быть предусмотрена ситуация, которая не обернулась бы бедой, как это произошло в нашем случае.

В.С. Давайте от грустной темы немного отойдём. Хочу вас спросить – ведь наверняка из той большой плеяды фронтовых поэтов у вас есть наиболее любимые, близкие вашему сердцу и своими произведениями, и по дружеским чувствам, оставшимся от личных встреч?

А.П. Я родился в Москве на Филях, и потому, действительно, есть немало поэтов, с кем связана моя жизнь. Отец приехал с Украины и охранял завод № 23, известный сейчас как Космический центр имени Хруничева. Завод огромный, в то время он строил самолёты, на нём работало сто тысяч человек. Мой отец перешёл со временем в кузнечный цех, на заводе работала мать, когда я подрос, то устроился туда же сначала электромонтёром, потом корреспондентом в многотиражке. Мой младший брат, царство ему небесное, трудился на заводе сварщиком, и три года подряд признавался лучшим сварщиком страны, потому что сваривал между собой уникальные металлы, созданные специально для современной сложной авиационной техники. Тут должно быть особое чутьё, металлы надо чувствовать, чтобы их не прожечь. И такое чутьё у брата было. За свою работу он награждён орденами Трудового Красного Знамени и Знак Почёта. Поэтому вся моя семья там. Но более того – когда я начал писать стихи, то первая моя подборка появилась в заводской многотиражке. А редактор её, которому я очень благодарен, дружил с Алексеем Недогоновым. После я служил на флоте, и он публиковал мои стихи под рубрикой «Бывший рабочий завода, ныне матрос Балтийского флота».

В.С. Это название рубрики выдаёт душу несостоявшегося поэта.

А.П. Так и есть... Ну и главное, что при заводе создал своё литературное объединение Алексей Недогонов. Человек, который был ранен в финскую войну, затем прошёл Великую Отечественную от рядового до капитана и в 1948 году получил Сталинскую премию первой степени за поэму «Флаг над сельсоветом». Но вот судьба – он успел узнать, что премия ему присуждена, но за три дня до получения её погиб под трамваем. Поэт дивный! Я его люблю, и, может быть, я один из современных поэтов, который помнит о нём, печатает о нём статьи, публикует его стихи. Более того – я создал музей Недогонова на Филях во Дворце культуры имени Горбунова, которым сейчас владеет бывший министр культуры РФ Швыдкой. Сейчас там, конечно же, нет ни музея, ни литературного объединения – всё уничтожено.

В.С. И что там сейчас?

А.П. Не знаю. Да это и не важно. Важно то, что уничтожаются основы русской культуры. А ведь я там сам играл в любительском театре – и неплохо, исполнял главные роли. Грустно от того, что исчезает гигантский пласт советской культуры.

В.С. Кого ещё из поэтов фронтового поколения вы могли бы особо отметить?

А.П. Из тех ста пятидесяти, что упомянуты в составленном мною списке? Александра Межирова. 15 января 1970 года он мне писал (тогда я был молодым руководителем литературного объединения имени Недогонова, хотя ещё сам не издал ни одной книжки): «Все мы писали тогда грубым стихом, вдалеке от мастерства. Но Недогонов был природный мастер. Его стих необыкновенно изящный, изысканный, воплощённая пластика, звучал необыкновенно, являя пример врождённой поэтической культуры. И сам Алексей был похож на свои стихи – стройный, художавый, с тонкими чертами лица. Глаза живые, добрые, слегка лукавые, таящие в себе опыт, «неутешительное знание», едва уловимую усталость. Ему была свойственна элегантность во всём – в умении носить небогатое платье и красиво держать в руке бокал с вином». Это письмо Межирова я ещё нигде не публиковал. Но я нашёл и копии писем Недогонова к Константину Симонову. Я пришёл к Симонову, он меня принял, и мы разговаривали часа три. Константин Михайлович нашёл свои письма к Недогонову. Я попросил расписаться его на письмах-копиях. Затем я устроил Недогоновский вечер. Дозвониться до Симонова не смог, но имя его в афишу включил. За два дня до этого вечера раздаётся звонок. «Анатолий, какое вы имели право, не согласовав со мной, поставить моё имя в афишу?» Я оторопел, но затем сообразил ответить: «Вы же Недогонова любили, дружили с ним». «А вы не подумали, могу я быть на этом вечере, или нет. Если я обещал поехать в командировку, то я же не могу подвести людей. А другие могут подумать, что Симонов зазнался, и поэтому не пришёл на вечер Недогонова». Это был мне замечательный урок. С той поры я обязательно узнаю, может ли тот или другой человек принять участие в литературном вечере, прежде чем поставить его имя в афишу.

Таким образом, круг поэтов-фронтовиков, с которыми я был лично знаком, постепенно расширялся. А когда я стал работать в журнале «Москва», то познакомился с очень многими поэтами.

В.С. Пока не ушли далеко от вашего рассказа о Симонове. Эта переписка Константина Михайловича с Недогоновым опубликована?

А.П. Я публиковал её в журнале «Москва»... Но были два писателя, которые писали о Недогонове. Они предпочитали использовать воспоминания главного редактора нашей заводской газеты, брали у него материалы, а потом «скромно» говорили, что они их разыскали в архивах.

В.С. Когда вы начали работать в редакции «Москвы», то судьба к вам привела многих известных поэтов.

А.П. Практически всех, которые были в то время известны читателям. Журнал «Москва» по своей литературной политике был как бы посередине между «Новым миром» и «Нашим современником». В нём можно было печататься и левым, и консерваторам. Как раз при смене главных редакторов (у прежнего принимал пост Михаил Алексеев) в «Москве» был опубликован знаменитый роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». За это в ЦК КПСС обоим и попало.

В.С. Но ведь публикацию предваряло вступительное слово Константина Симонова.

А.П. Так ведь и Симонову попало.

В.С. Да-а... Его история с фактической ссылкой в Среднюю Азию известна.

А.П. Но если кратко охарактеризовать, что такое в моём понимании фронтовая поэзия, то я зачитаю небольшой кусочек из своего предисловия к книге о фронтовой поэзии, над которой я сейчас работаю: «Но есть и такое незабываемое по таланту и честности явление, как фронтовая поэзия, как бы доказывающая, что не все истины бесспорны, муза её всё-таки нашёптывала под грохот пушек и на полях сражений жемчужные строки, но записывались они в блокноты не в боях – между боями. Читаю

и перечитываю стихи фронтовых поэтов, и сердце заходится в мучительной тревоге, оттого что трудно, горестно, невозможно читать эту суровую правду о войне, оттого что и я сам дитя невероятных лет, переживший двухлетнюю оккупацию на Смоленщине, расстрел карателей моей деревни в феврале 1942 года, оттого что за скупыми и резкими строками фронтовых поэтов стоит незабываемая четырёхлетняя битва за само существование нашего многострадального народа. Фронтовая поэзия – это мужество на войне, обострённое чувство справедливости и великая жажда жить во имя созидания». Кстати, на нашем заводе работал ещё один поэт, который погиб при освобождении Кенигсберга – Александр Тетерин. Когда я в архиве работал с подшивками нашей многотиражки, то нашёл с десяток его стихотворений. Его стихи широко не печатались. Я хочу в эту книгу их включить. Осталась только одна строка из стихов Недогонова: «Саша Тетерин погибший у королевских ворот». Точно эту строчку не помню, но смысл её таков. И таких есть несколько человек, которые никому неизвестны. Но они были настоящими поэтами. Теперь позаботиться о них некому, потому что родни не осталось. Но я чувствую, что смогу сделать эту книгу так, как задумал, не ранее, чем лет через пять. Надеюсь, что найдутся люди, которые помогут её издать.

В.С. Мне кажется, что ещё не было такого, что бы вы задумали и не довели до конца.

А.П. Было. Я собрал книгу размышлений русских философов о Лермонтове, она была уже даже сверстана, но так и не вышла.

В.С. Жаль.

А.П. Один известный литературовед, Станислав Лисневский, взял у меня почитать вёрстку этой книги – и не вернул. Лет восемь я у него просил мне её вернуть – безрезультатно. А там было много интересного. Занимаясь книгой, я разыскал те работы, которые совершенно не знакомы широкому читателю... Одно современное издательство, которое возглавляет мой ученик Георгий Зайцев, пыталось издать, но, судя по всему, не получилось. Это оказалось делом неприбыльным.

В.С. Мы с вами уже говорили – в современных условиях на русской культуре невозможно зарабатывать. Ей можно только служить, и в подавляющем случае – бескорыстно, жертвенно... Но давайте вернёмся к фронтовым поэтам. Расскажите, кого вы хотите представить на страницах своей книги.

А.П. Возвращусь к Алексею Недогонову. Он был великолепнейшим лириком. И он, может быть, один из редких поэтов, кто написал о Победе прямо в день её провозглашения. Вот его стихотворение «Бессонница»:

*Торжественный финал похода,
отбой бессонниц и дорог.
У каждого –
четыре года
недосыпаний и тревог.
В своих глазах
в края чужие
несли, как отраженье, мы
огонь сожжённых сёл России,
пожаров красные дымы.
Полки бессонниц вместе с нами
вошли в Берлин
сквозь Сталинград.
Волжане с красными глазами
Под Красным знаменем стоят.*

В.С. И написано прямо 9 мая. Замечательно!

А.П. А вот Межиров. Году в 1974-м я собрал поэтов-фронтовиков на Недогоновский юбилей, и в том числе пригласил Межирова. Мы сидели

вместе в президиуме, и в какой-то момент, выступая, я прочитал стихов десять Недогонова. Затем передал слово другому, а Межиров мне говорит: «Знаете, вы читали стихи, а я их про себя повторял. Оказывается, я их все знаю». Тогда я спросил: «Почему же вы не написали никаких воспоминаний о Недогонове?» «Знаете, – отвечает он мне, – как-то всё времени нет».

В.С. Он был, наверно, не рад, что заговорил с вами о поэте?

А.П. Не знаю, но я продолжил: «Вот об оном из поэтов недавно к его юбилею вы же опубликовали статью в «Литературной газете», а о своём друге, которого любил, нет. «Знаете, Алёши ведь нет, а эти всё время крутятся, звонят, уговаривают написать, да так, что отказать невозможно». Но вот в том же письме Межирова, о котором мы уже упоминали, есть очень интересный факт. Вот как он рассказывает о том, как встретился с Недогоновым: «Только что окончилась Великая Отечественная война. Стояли дни воодушевляющих надежд. В воздух взлетали ракеты. Гремели артиллерийские залпы. Но сквозь это мощное звучание поэт всё время слышал, как плакали матери. И ощущение победы было пронизано болью». Это очень важно и для нашего времени. И, кстати, после этих его слов, я хочу прочитать небольшое стихотворение Межирова «Курская дуга»:

*Мать о сыне, который на Курской дуге, в наступленье
Будет брошен в прорыв, под гранату и под пулемёт,
Долго молится, перед иконами став на колени, –
Мальчик выживет, жизнь проживёт и умрёт.
Но о том, что когда-нибудь всё-таки это случится,
Уповающей матери знать в этот час не дано,
И сурово глядят на неё из окладов спокойные лица,
И неведенье это бессмертью почти что равно.*

Когда-то этот поэт написал: «До тридцати стихи писать почётно, и срам крошечный после тридцати». Но сам-то он писал их до восьмидесяти, и даже позже.

В.С. Кто ещё из поэтов-фронтовиков «прошёл через вашу жизнь»?

А.П. Владимир Семёнович Жуков. Он из города Иванова – русский, талантливый, с моей точки зрения, просто блистательный поэт, которому очень мало при жизни было воздано. Правда, в журнале «Москва» мне удалось пробить публикацию его поэмы, посвящённой гибели, самоубийству Фадеева. По понятным причинам она нигде не проходила, но мне с третьего раза удалось уговорить Алексеева, и мы её напечатали. Но тут тоже есть очень любопытный случай. Когда я учился в школе, то у нас была преподаватель по истории Ефросиния Петровна Мамонтова. А я с детства любил историю и очень благодарен этому педагогу. Это была малосенькая женщина, балерина, ростом меньше нас, четверокурсников, но она с нами возилась – водила в воскресенья по Подмоскovie, что-то показывала, рассказывала. Делалось это всё, понятно, совершенно бескорыстно, по любви к нам. И когда я уже начал писать стихи (это было в восьмом или девятом классе) она мне однажды говорит: «А я ведь знала одного поэта. Когда я в Иваново работала в госпитале, то среди раненых к нам привезли одного сержантика, поэта. Его звали Володя Жуков». И вот через годы в 1975 году судьба меня знакомит с ним. Я Жукову напомнил о Ефросинии Петровне, и он её сразу вспомнил: «Какая замечательная женщина!»

В.С. Бывает же так!

А.П. Я его спрашивал – Владимир Семёнович, почему вы так мало пишете о войне? Почему не рассказываете о пережитом тогда? На это он ответил: «О чём же там рассказывать. Война – это грязь. А разве можно о грязи говорить много и долго?» И я его понимаю. Потом он более подробно ответил, и я это записал для себя: «Трудно и больно вспоминать. На фронте были не только герои, но и предатели, не только соловьиные рассветы, но и раскуроченные взрывами тела друзей и однополчан. Перед

моими глазами весь ужас войны возникает снова в неприглядном виде. Как можно о бойне человеческой часто писать».

В.С. Это правильные, выстраданные слова.

А.П. Вот его письмо, которое он прислал мне в редакцию: «Поэма островата, она возвращает нас к тем дням, которые все мы хотели бы позабыть, чуть ли не делаем вид, что вообще ничего не было. Но, к сожалению, всё это было. А если поэзия будет только в ладоши хлопать – она не выполнит своего назначения». Когда заходила речь о поэзии, то Владимир Семёнович, очень добрый человек, тут был бескомпромиссен.

В.С. Сразу становился фронтовиком, возвращался памятью туда, где компромиссы невозможны – либо «да», либо «нет».

А.П. Пять лет назад тихо отметили в родном городе девяностолетие своего почётного гражданина, лауреата Государственной премии России Владимира Семёновича Жукова. Увы! Но вот его стихотворение. Это реквием по фронтовым друзьям, а по сути обо всех павших за родную землю:

*Оступились войны на друзьях моих...
Мёртвые спокойны за живых.*

И ещё одно гениальное четверостишие его же, которое зачастую цитируют совершенно бездарно. Стихотворение называется «Пулемётчик». Он сам всю войну был пулемётчиком и потому знал, о чём писал.

*С железных рукоятей пулемёта
он не снимал ладоней
в дни войны...
Опасная и страшная работа.
Не вздумайте взглянуть со стороны.*

В.С. Страшное стихотворение какой-то своей жуткой простотой. Вот что есть человеческая жизнь на бойне под названием война... Но давайте теперь поговорим о поэзии Ольги Берггольц. Как-то невольно после этих строк хочется перейти к её стихам.

А.П. Ну, с Ольгой Берггольц очень сложно. Я прекрасно понимаю её как женщину. До войны она писала обычные стихи, была женой гениального поэта Бориса Корнилова, хоть и прожили они вместе недолго. Полтора года ей пришлось сидеть в тюрьме. Она была беременна, и ребёнок её умер – случился выкидыш. Через некоторое время первая дочь (от Корнилова) и вторая (от нового мужа) умирают. Но началась война, жуткая блокада Ленинграда. В 1942 году, после смерти второго мужа, она выходит за третьего – известного литературоведа. Но и их дочь умирает. Каково женщине, которая пережила все эти трагедии, а ещё презрение государства, доносы недоброжелателей, потом вдруг услышать, что её называют «матерью блокадного Ленинграда»? Она правдивостью своих стихов внушала такую любовь к родному городу, такую любовь к Отечеству!

В.С. Искренностью переживаний.

А.П. Это была естественность переживаний. Более того, я сейчас процитирую письмо одной женщины к Берггольц: «Мы черпали из вашей поэзии о блокаде силы для новой жизни». Именно в эти трагические годы поэт и создаёт свои бессмертные произведения: «Февральский дневник», «Ленинградская поэма», работает над письмами слушателей, радиоочерками, поэтическими репортажами. Большая их часть затем войдёт в книгу «Говорит Ленинград». Однажды Ольга Берггольц сказала своему другу правду о себе: «Я шла всегда, иду и буду идти по самой кромке бытия, на его гибельном срезе, там, где жизнь встречается со смертью, и всегда навстречу жизни». Я прочитаю одно из её стихотворений:

*Как много пережито в эти лета
любви и горя, счастья и утрат...
Свистя, обратно падал на планету
мешком обледеневшим стратостат.*

*А перебитое крыло косое
огромного, как слава, самолёта,
а лодка, павшая на дно морское,
краса орденоносного Балтфлота?*

*Но даже скорбь, смущаясь, отступала
и вечность нам приоткрывалась даже,
когда невнятно смерть повествовала –
как погибали наши экипажи.*

*Они держали руку на приборах,
хранящих стратосферы откровенья,
и успевали выключить моторы,
чтобы земные уберечь селенья.*

*Так велика любовь была и память,
в смертельную минуту не померкнув,
у них о нас, – что мы как будто сами,
как и они, становимся бессмертны.*

В.С. Тут бы продолжить стихами Друниной, Давида Самойлова.

А.П. Я хочу вспомнить Дмитрия Кедрина. Надо отдать должное, что его из-за плохого зрения (он же почти ничего не видел) не брали на фронт. И тогда Кедрин пошёл добровольцем рыть заградительные рвы под Москвой. 2 сентября 1941 года он написал стихотворение «Глухота»:

*Война бетховенским пером
Чудовищные ноты пишет.
Её октав железный гром
Мертвец в гробу – и тот услышит!
Но что за уши мне даны?
Оглохший в громе этих схваток,
Из сей симфонии войны
Я слышу только плач солдаток.*

Он вслушивался в войну, как в какую-то ораторию, как в трагическую симфонию. А погиб в 1945 году. Его вытолкнули из вагона. Никто не знает, что произошло там на самом деле, но я думаю, дело вот в чём. Тогда было огромное количество жулья. Я ещё этот период в ранней молодости застал и хорошо его помню. Наверно, в тамбуре, где он стоял, кто-то начал приставать к девушке, и он заступился. Маленький, щупленький, очкарик – что с него взять. Вот наглец его взял и вышвырнул на ходу. Больше чем уверен, что именно так и произошло.

В.С. Я очень люблю стихи Кедрина. Но давайте вспомним и стихи Сергея Васильевича Смирнова, о котором вы опубликовали воспоминания в журнале «Вертикаль. XXI век».

А.П. Он был не только другом Недогонова, но и человеком поразительной культуры, юмора. Когда его спрашивали: «Как поживаете?», он отвечал: «Да диабетствую». У него было, да, видимо, и осталось, очень много врагов. Теперь они борются с памятью о Смирнове. Скорее всего, это произошло потому, что он был человеком остроумным, а это доброжелательно воспринимается далеко не всеми, и непримиримым к фальши, ко лжи, в отстаивании своих принципов. Мы подружились ещё и потому, что и он, и я, правда, в разные времена, работали проходчиками метростроя. Потом уже Смирнов стал учиться в Литинституте вместе с Симоновым, Недогоновым. Но поразительно, что с таким чувством остроты у Сергея Васильевича есть стихи, которые стали песнями, но люди так и не знают, что автор слов – это Смирнов. Например: «Сорвала я цветок полевой...» или «Ты ласточка моя...». Лев Дуров, известный наш народный артист СССР, всегда защищал Сергея Смирнова. Он говорил: «Да, Сергей Васильевич Смирнов горбат, но это не помешало ему всеми

правдами и неправдами добиться зачисления в действующую армию в первые же дни войны. О том, как он воевал, свидетельствуют боевые награды, которые украшали его, далеко не богатырскую, грудь. Но уж его стихи горбатыми называть было просто грешно. Его эпиграммы и четверостишия били всегда без промаха».

Я об этом поэте написал немало статей, которые заканчивал всегда словами о его поэме «Свидетельствую сам». В ней он во времена хрущёвского гонения на Сталина заступился за вождя. Он писал в поэме, что и сам не знает ныне настоящей правды о нём.

Самое обидное заключалось в том, что он, будучи советским человеком (хотя родился в 1913 году), ненадолго пережил гибель своего государства. Умер 1 февраля 1993 года в своей московской квартире.

В.С. Большая у нас с вами, впрочем, как всегда, получается беседа. Но я всё-таки ещё хотел бы поговорить о Фатьянове – считаю, что уникальном явлении в нашей поэзии. Об этом поэте почему-то так мало пишут, вспоминают наши критики и литературоведы. Да и братья-поэты не балуют его память вниманием.

А.П. Я хорошо знал его вдову, дочь. О Фатьянове когда-то замечательные слова написал его друг, тоже поэт и автор известных в народе песен Михаил Матусовский: «Надо обладать щедрым и певучим сердцем, чтобы подарить людям столько нестареющих со временем, не уходящих из нашего обихода замечательных песен. И за это мы будем долго помнить и чтить Алексея Фатьянова». Фатьянов прошёл сложный жизненный путь. Ведь он был репрессирован, какое-то время вначале войны сидел по доносу. Фатьянов был человеком, знающим себе цену – актёр, красавчик. Музыка жила внутри его, и очень часто он подсказывал мелодию своим соавторам по созданию песен, композиторам. Но он был и с гонором. Его не принимали в Союз писателей СССР. Честно признаюсь, и я в подборку к готовящейся книге с трудом нашёл несколько стихотворений.

В.С. Если рассматривать тексты его песен как литературные произведения, то они оказываются очень среднего уровня?

А.П. Видите ли, у поэзии всё-таки свой звук, своё состояние. Я сам пишу песни и знаю, что соединить вместе песенность и литературу случается крайне редко. Любопытно, что с Недогоновым они не были знакомы, но Фатьянов среди первых въехал на танке в один из освобождённых венгерских городков, который и Недоговов тоже освобождал, и написал, что нам легче было этот город взять, чем выговорить его название. Вот как любопытно судьба сводит поэтов. Кстати, за взятие этого города Недогонова наградили орденом Красной Звезды. Но любопытно, что песни Фатьянова и сейчас живут. В песне сливаются воедино музыка и слово. С Фатьяновым работали талантливейшие композиторы – Соловьёв-Седой, Борис Мокроусов, Самуил Кац, Георгий Жуковский, Александр Лепин. Они давали крылья его стихам.

*Если б я родился не в России,
Что бы в жизни делал? Как бы жил?
Как бы путь нелёгкий я осилил?
И, наверно б, песен не сложил.
В эти дали смог ли наглядеться,
В дали дальние непройденных дорог?
И тебя, тревожащую с детства,
Я бы встретить, милая, не смог.*

Родился поэт в Вязниках, а умер в Москве в 1959 году.

В.С. Тема фронтовой поэзии бесконечна. Надеюсь, мы с вами ещё коснёмся её в наших дальнейших беседах.